

УДК 811.161.1'38

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЁНОГО XIX В. В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Синица И.А.

*Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины
г. Киев, Украина*

В статье исследуется проблема отражения этнокультурной составляющей языковой личности в тексте на основе лексико-семантического и контекстуального анализа лексем как носителей историко-культурной информации.

Ключевые слова: язык, культура, языковая личность

Личность как совокупность социально значимых духовных и физических качеств в зависимости от оснований ее изучения рассматривается как языковая, речевая, идиолектная, этносемантическая и т.д. Одним из компонентов содержания языковой личности, способствующим проявлению её индивидуального и одновременно коллективного начала, называют культурологический компонент, т.е. освоение культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Языковая личность способна отражать одновременно общечеловеческое и национальное, социальное и индивидуальное, традиционное и новое, рациональное и эмоциональное, поэтому всё, что создано человеком, способно передавать разными средствами разнообразные грани языковой личности. Намеченная Э. Бенвенистом триада «язык, культура, человеческая личность» [1, с. 45], ставшая теоретическим основанием для развития лингвокультурологии, претерпела различные модификации. Но интерес к человеческой личности, приравняваемой исследователем к сознанию, давал новые импульсы к возникновению новых аспектов ее интерпретации. Одной из таких модификаций стало понятие лингвокультурной личности. Термин «лингвокультурная личность» В.А. Маслова предлагает понимать как «закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» [7, с. 36]. Цель статьи - исследовать проблему отражения этнокультурной составляющей языковой личности в тексте.

Постановка проблемы. За каждым текстом стоит личность, его создавшая, поэтому мы имеем все основания для интерпретации текстовых знаков (лексических, синтаксических и др.) с точки зрения их национально-культурной значимости. Такой анализ позволяет описать лингвокультурные черты языковой личности определенной исторической эпохи, черты, отразившиеся в текстах определенного стиля. В данной статье на основе лексико-семантического и контекстуального анализа лексемы *москаль*, функционирующей в исторических текстах Н.И. Костомарова, мы попытаемся выявить отражение культурной реальности в научных текстах указанного исторического периода. Предметную направленность анализируемых работ в целом можно охарактеризовать как

изучение истории, быта, языка – всего, что связано с Украиной. Описание характерных для украинцев отношений к представителям других национальностей, изображение исторических деятелей национальной культуры, народных героев, оценка определенных фактов также отражают, на наш взгляд, особенности этнонационального сознания как одного из фрагментов генетического кода, актуализированного с помощью текста.

И хотя научную речь часто рассматривают как «опосредствующее звено между специализированным языком, или специализированными выражениями, называемыми научной терминологией, и языком живым, растущим и меняющимся», она, как одна из форм естественного языка, способна обрести «действительность в качестве аспекта мира, раскрываемого различными культурами» [2, с. 52]. Поэтому в научных текстах нередко встречаем различную интерпретацию одних и тех же фактов.

Н.М. Карамзин, один из основателей российской историографии, автор «Истории государства Российского», так объяснял свой интерес к изучению истории России: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило!» [4, с. 32]. Историк был уверен в том, что не обязательно быть русским, «надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внес их в общую систему географии...» [4, с. 33]. Гордость за свое отечество, за свой народ и его историю звучит в каждой строке автора. Н.М. Карамзин не скрывает национальную гордость за российский народ, наоборот, он откровенно декларирует: «Чувство: *мы, наше* оживляет повествование – и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души» [4, с. 37]. Поэтому в мертвых памятниках, за страницами летописей Н.М. Карамзин искал «души и жизни», «хотел представить и характер времени и характер летописцев», чтобы исторические лица запечатлелись в памяти читателей «не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиономиею» [4, с. 38].

Мы уверены, что подобным образом размышляли украинские ученые XIX в., писавшие по-русски, сосредоточив свое внимание на анализе фольклора, летописных памятников, языка и литературы украинского народа. Именно национальной принадлежностью оправдывает свой научный интерес к личности и эпохе Богдана Хмельницкого М.А. Максимович: «... мне как “щирому малороссиянину” драгоценна память достославного гетмана...теперь именно мне хочется эту беседу отвлечь лишней раз твои мысли от современности - и не в глубокую древность Руси, ... а только в XVII век, на берега моего родимого Днепра-Славутицы...» [6, с. 190]. Социально-историческая эпоха, отмеченная ростом национального самосознания, формированием национальных основ украинского народа, отразилась и в гуманитарных науках, способствовавших выработке теоретических обоснований и поиску документальных

доказательств самостоятельности народа, ранее считавшегося зависимым, частью великорусского.

Среди терминологической лексики, функционирующей в текстах исторических исследований, существенное место занимает лексико-семантическая группа этнонимов, называющих людей, которые проживают на определенной территории, говорят на одном языке, имеют общие социально-экономические и исторические условия проживания. На то, что данная группа номенов в современном языке достаточно неоднородна, указывает А.В. Суцеранская. Исследовательница отмечает, что, называя одно и то же этническое сообщество, этнонимы «включают самоназвания и названия, полученные со стороны, официально принятые и неофициальные названия. ...это разные обозначения тех же денотатов, употребляющиеся в разных системах, а следовательно, и не синонимы, и не дублиеты, а просто факт разноименности» [12, с. 53]. Таким образом, потенциальная возможность существования нескольких этнонимов, обозначающих те же денотаты, ставит вопрос о выявлении особенностей функционирования указанной группы номенов в исторических текстах в период формирования основ научного стиля изложения и вопрос об их синонимичности.

Например, лексемы *москаль* и *великороссиянин*, часто используемые Н.И. Костомаровым в одном предложении, не только не исключают тавтологию, но и выражают дополнительную экспрессивность в первом слове и официальную нейтральность авторского комментария (авторский «горизонт») – во втором слове: *«Настроенные против москалей, казаки стали везде задерживать, грабить и оскорблять великороссиян, где только встречали в своей земле»* [5, кн. 1, с. 355]. При этом слово *москаль* вызывает эффект имплицитной прямой речи украинских казаков, выводя, таким образом, эту лексему на «горизонт» данных исторических персонажей, как, например, в следующем фрагменте: *«Выговский не показывал своей охоты начальствовать. Он говорил старшинам так: «Москаль ни во что считает выборы по нашим стародавним правам, ...не поддавайтесь москалю, не позволяйте себе давать гетмана, выбирайте вольными голосами, как прежде всегда в старину бывало»* [5, кн. 1, с. 332]. Коннотативный компонент в семантической структуре лексемы *москаль*, актуализированный в контексте и поддерживаемый словами *не поддавайтесь, не позволяйте*, отражает реальное враждебное отношение простого народа к своим притеснителям и имеет стилистически сниженную маркированность, характерную для разговорной речи. Поэтому мы рассматриваем ее как экспликатор субъективных (нейтральных или эмоционально-оценочных) отношений в тексте научного исследования, обусловленных экстралингвистическими (социально-политическими, историческими) причинами, отражающими архетипические, этнонациональные черты описываемых героев, автора.

Анализ контекстных употреблений лексемы *москаль* в русских исторических текстах XIX в. показывает ее многозначность. Сравним приведенные выше текстовые фрагменты, в которых наблюдаем несовпадение значений лексем *москаль* и *великороссиянин*, и следующий фрагмент, где лексема *москаль* проявляет свойства абсолютного синонима лексемы *великороссиянин*: *«... Я (Б. Хмельницкий) думаю, ни у кого нам нельзя просить помощи, кроме москалей и татар: все другие соседи слабы, или скорее вступятся за поляков, чем за нас...»* [5, кн. 4, с. 143]. В данном контексте лексема *москаль* функционирует не в значении «солдат», а в значении «люди,

проживающие по соседству, русские». Актуализации именно этого значения способствуют контактно расположенные лексемы *соседи, татары*.

О том, что лексемы *москаль* и *великороссиянин* чаще не воспринимались как полные (абсолютные) синонимы, свидетельствует и контекстная семантизация лексемы *москаль* как 'ратных людей, находящихся на службе у Московского царя': «*Киевские мещане не терпели москалей, потому что имели, более чем другие малороссы, частые столкновения с ратными людьми и желали, чтоб этих гостей от них выгнали*» [5, кн. 1, с. 356]; «*Выговский показывал вид, что поднял оружие только для того, чтобы изгнать из Украины московское войско, причиняющее бедствия народу и разорение краю, а вовсе не намерен вести войны с царем и великорусским народом*» [5, кн. 1, с. 387].

По мнению Н.И. Костомарова, подобные отношения объясняются рядом психологических отличий между двумя народами: «*...малорусский народ не любил москалей. Несмотря на единство веры и племени, между двумя ветвями русского народа было слишком много различия в нравах, характере, понятиях и приемах жизни*» [5, кн. 1, с. 314]; «*Малороссы видели в москалях слишком много не только чуждого, но противоположного. Дикие и своевольные поступки царских ратных людей раздражали народ, возбуждали ненависть и боязнь, и уже в то время народ пугали слухи, что Москва хочет запрудить Украину своими людьми и насильственно вводить между малоруссами свои московские обычаи*» [5, кн. 1, с. 315]; «*...переселенцы (малороссияне) хотя и нашли себе приют на привольных украинских степях московского государства, но не любили москалей*» [5, кн. 1, с. 387].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *москаль* помечено как лексема южнорусского языка и зафиксировано в значении «москвич, русский; солдат, военнослужащий», приводимые примеры эксплицируют его негативную коннотацию: «*От москаля хоть полы отрежь, да уйди! Кто идет? Черт! Ладно, абы не москаль. С москалем дружись, а камень за пазухой держи (а за кол держись). Мутит, как москаль на селе, т.е. солдат*» и др. [3, т. 2, с. 349]. Дальнейшее развитие отрицательно-коннотативный компонент семантической структуры лексемы *москаль*, на наш взгляд, получил в глаголе *москалить* «мошенничать, обманывать в торговле», которое В.И. Даль также фиксирует с пометой «малорусское» [там же]. М. Фасмер также характеризует лексему *москаль* как слово южнорусского, украинского языка, этимологию же связывает с польским *moskał*, образованным от *Москва*, имеющим значение «выходец из Москвы, русский (солдат)» [14, т. 2, с. 659].

Нам представляется интересным и тот факт, что в языке русских произведений Т.Г. Шевченко лексема *москаль* встречается дважды [10, т. 2, с. 611], в украинских текстах – сто семнадцать словоупотреблений, из которых семьдесят со значением «солдат» и тридцать три – «русский», четырнадцать – в различных словосочетаниях [11, т. 1, с. 421]. Словарные дефиниции не выявляют у данного слова в текстах художественных произведений Шевченко дополнительных коннотаций.

Словари современного русского языка данную лексему не фиксируют [см., напр.: 8: 9]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова слово *москаль* характеризуется как «(дореволюц., пренебр.). Шовинистическое прозвище, прилагавшееся жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к солдатам» [13, т. 1, с. 692]. Если основное значение лексемы не несет каких-либо коннотаций, связанных с национальными признаками (см. употребление в текстах Т.Г. Шевченко, словарные дефиниции), то на основе развития семы «русский» слово в

определенном контексте приобретает отрицательно-коннотативный оттенок, возникающий исключительно в восприятии представителей других национальностей (украинцев, белорусов), что фиксирует словарь под редакцией Д.Н. Ушакова и что мы наблюдаем в исторических текстах.

В русской речи современных украинцев, по нашим наблюдениям, лексема *москаль* преимущественно употребляется как существительное, характеризующее определенным образом поведение, поступки человека, не всегда соотносимые с его национальной или государственной принадлежностью (напр., из разговора: «Ну и *москаль* же ты!»). Подобным образом в современном русском языке функционирует и слово *хохол*.

Таким образом, в тексте исторического исследования данная украинская лексема не только называет реалии описываемого периода (русских, точнее московских, солдат, находящихся на службе у царя), но и выражает эмоционально-оценочные коннотации, которые сопровождают ее как экспликатора укоренившихся этнонациональных смыслов и отношений.

Этноним *великороссияне* в сознании предков современных украинцев ассоциировался с мирным населением, которое, однако, тоже доставляло определенное беспокойство: «Воевать с *великороссиянами* не было охоты в массе; а между тем нападения некоторых шаек на Каменное и Олешню вызвали то, что *великороссияне*, собравшись шайками, вторгнулись в Украину, стали жечь селения и бить *малороссиян*» [5, кн. 1, с. 368].

Слова *великорус*, *великоросс* М. Фасмер характеризует как «новообразование от *Великая Россия* под влиянием слов *Русь*, *русский*», а название *Великая Россия* возникло в XVI – XVII вв. как обозначение, введенное константинопольским патриаршеством для отличия от *Малороссии* [14, т. 1, с. 289]. Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова значение слова объясняет через его синонимичные отношения: «То же, что и русские. Название возникло в Московском государстве на почве великодержавной идеологии, объявлявшей русскую народность «великой» в сравнении с украинской и белорусской» [13, т. 1, с. 120]. С.И. Ожегов и авторы «Словаря русского языка» указывают, что это устарелые названия русских [8, с. 66; 9, т. 1, с. 147].

Выводы. В научно-гуманитарных текстах XIX в. этнонимы *великорус*, *великоросс* функционируют как нейтральные номинации русских в период, исследуемый автором научной работы, и в пределах определенного контекста могут образовывать синонимический ряд с заимствованной из украинского (или, по М. Фасмеру, польского) языка лексемой *москаль*.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981.
4. Карамзин Н.М. Предания веков /Сост., вступ.ст. Г.П. Макогоненко. – М.: Правда, 1988. – 768 с.
5. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн.1, 4. – Спб. 1903 - 1906.
6. Максимович М.А. Письма о Богдане Хмельницком // Максимович М.О. Вибрані твори / Упор. і вст. ст. В. Короткого. – К.: Либідь, 2004. – С.190-257.
7. Маслова В.А. Homo Lingualis в культуре. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им П.М.Машерова», 2004. – 214 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЁНОГО XIX В. В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. докт.филол.наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус яз, 1984. – 816 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1985-1988.
10. Словарь русских произведений Шевченко: В 2-х т. – К.: Наук. думка, 1986.
11. Словник мови Шевченка: В 2-х т. – К.: Наук. думка, 1964.
12. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. – М.: Едиториал УРСС, 2003.– 248 с.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 3-х т. – М.: Вече, 2001.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Синиця І.А. ЛІНГВОКУЛЬТУРНА ОСОБИСТІТЬ ВЧЕНОГО XIX СТ. У ТЕКСТОВОМУ ПРОСТОРІ КУЛЬТУРИ

У статті проаналізовано питання відображення етнокультурного складника мовної особистості в тексті на основі лексико-семантичного і контекстного аналізу лексем як носіїв історико-культурної інформації.

Ключові слова: мова, культура, мовна особистість

Siniza I.A. LINGUOCULTURAL SCIENTIST'S PERSONALITY OF 19-TH CENTURE IN TEXT FIELD OF CULTURE

The article is devoted to the problem of reflection in text the culturological linguistic personalty on the bases of semantic and context analyses of the words

Key words: language, culture, linguistic personality

Поступила в редакцію 13.02.2007 г.